

СТАТЬИ

УДК 94(47)"17"

«Гвардейская» парадигма становления
«дворянвластия» от Петра I до Екатерины II
(взгляды В.О. Ключевского и современная историография)

Ю.Н. Смирнов

*Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва
Самара, Российская Федерация*

В своей концепции российской истории XVIII в. В.О. Ключевский особое место отводил регулярной армии. Он рассматривал ее как явление, определявшее ход общественных процессов, и как самостоятельную силу, которая оказала огромное воздействие на судьбы страны. Создание русской гвардии при Петре I явилось начальной точкой умозаключений ученого относительно роли армии, которые затем распадаются на два отдельных сюжета. Первый из них связан с местом военной реформы в петровских преобразованиях, а второй – с ролью гвардии в «эпоху дворцовых переворотов». Взгляды Ключевского на войну как главную пружину преобразований Петра I, как правило, воспринимаются критически, гораздо чаще воспроизводится та схема, какую выдающийся историк дал при объяснении причин и последствий дворцовых переворотов. Он создал «гвардейскую парадигму», согласно которой дворянская по составу гвардия в ходе дворцовых переворотов XVIII века отстаивала интересы дворянства в целом и добилась для него привилегированного положения. Однако данные полковых архивов и современная историография свидетельствуют, что гвардия не была однородной по составу. Механизм утверждения «дворянской монархии» был более сложным, чем представляет «гвардейская парадигма».

Ключевые слова: Россия в XVIII в., военная реформа, гвардия, дворцовые перевороты, историография, источниковедение.

Для цитирования: Смирнов Ю.Н. «Гвардейская» парадигма становления «дворянвластия» от Петра I до Екатерины II (взгляды В.О. Ключевского и современная историография) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.10–18.

В своей концепции российской истории XVIII в. В.О. Ключевский особое место отводил регулярной армии. Он рассматривал ее не просто как один, пусть даже очень важный институт государственной власти, но как явление, определявшее ход общественных процессов, и как силу, самостоятельную в достижении целей, которые оказали огромное воздействие на судьбы страны.

Столь серьезное внимание ученый уделял вооруженным силам не во всей истории России, а только в отдельные эпохи, включая период с конца XVII по 60-е гг. XVIII в.

К сожалению, в небольшой статье нет возможности показать в полном объеме взгляды Ключевского на войну, военные реформы, вооруженные силы, всесторонне охарактеризовать эти взгляды в общей концепции российской истории, им предложенной. Акцент делается на том влиянии, которое оказала регулярная армия на государство и дворянское сословие. Впрочем, этот акцент присущ и трудам самого Ключевского.

Следует определить причины, по которым он отводил армии исключительную роль в ту эпоху. Необходимо также оценить полноту и корректность заключений автора «Курса русской истории» в свете современных ему и последующих публикаций источников, исследований по данной теме.

Исследователи научного творчества В.О. Ключевского отмечали интерес, проявленный им к армии указанного времени. Наиболее интересные замечания по данному вопросу были высказаны в ходе подробного разбора его исторических взглядов А.А. Зиминим, М.В. Нечкиной и, особенно, В.А. Александровым при издании сочинений выдающегося историка в девяти томах в 1987–1990 гг.

Выявленные подходы Ключевского к выяснению роли армии распадаются на два самостоятельных по сути сюжета. Первый из них отражает взгляды историка на ведущее место войны и военной реформы в петровских преобразованиях, а второй – на роль гвардии в «эпоху дворцовых переворотов».

При этом взгляды Ключевского на войну как главную пружину преобразований Петра I не получили широкой поддержки. Их в историографии, как правило, воспринимают критически [3, с.32, 33, 35, 182].

Гораздо чаще в исторической литературе воспроизводятся детали той схемы, какую дал Ключевский при объяснении причин и последствий дворцовых переворотов. Это относится, прежде всего, к утверждениям об однородном социальном составе гвардейских полков русской армии, к отождествлению интересов гвардии и дворянства [13, с.283, 285–286]. Вокруг этих утверждений сложился определенный консенсус большинства исследователей, что дает нам основание определить его как некую «гвардейскую» парадигму. При наличии серьезных споров в отношении общей концепции развития государства и общества в XVIII в., выдвинутой Ключевским, его взгляды и выводы по данному конкретному вопросу, как правило, принимаются. Причем это делается без проверки надежности их историографического и источниковедческого обоснования.

В качестве распространенной в недавнее советское время следует признать оценку взглядов Ключевского на дворцовые перевороты, которую сформулировал С.М. Троицкий. В его известной историографической статье, прежде всего, выделен тезис Ключевского о гвардии как предста-

вительнице дворянского сословия, о том, что ее роль в переворотах способствовала установлению «дворяновласти». Такой подход Ключевского и близких ему по взглядам историков получил одобрительную оценку автора статьи и противопоставлен мнениям С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, которые однозначно критикуются как следующие «настроениям монархического дворянства и либеральной буржуазии» [17, с.55, 57–58].

При этом следует отметить, что Платонов вовсе не ставил под сомнение утверждения Ключевского об однородно-дворянском составе гвардии, считал ее «частью шляхетства», соглашался с тем, что «политическое значение гвардии передавалось всему дворянскому классу». Однако, вслед за Соловьевым Платонов признавал также наличие общенациональных интересов в выступлениях гвардейцев в ходе дворцовых переворотов, косвенно вступая в полемику с Ключевским [15, с.564].

Между тем в историографии имеются работы, показывающие определенную односторонность подходов Ключевского к ряду вопросов истории вооруженных сил России XVIII в. К числу этих вопросов следует отнести как раз неточную оценку социального состава гвардейцев. Среди упомянутых работ есть и подготовленные автором данной статьи, который счел необходимым специально остановиться на том, как знаменитый ученый рассматривал проблемы истории русской армии и гвардии.

При обработке полковых именных списков, сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах 2583 «Преображенский полк», 2584 «Семеновский полк», 3543 «Конный полк», 2577 «Измайловский полк», 3545 «Кавалергардский полк (корпус)», 32 «Лейб-компания», выяснилось, что в конце царствования Петра I дворяне составляли 43,5% гвардейских чинов. Этот результат был получен по данным на 1723 г. Среди рядовых дворяне составляли 41%, унтер-офицеров – 73%, офицеров – 90%. К моменту прихода к власти Екатерины II доля дворян среди личного состава гвардии уменьшалась. В Семеновском полку к 1761 гг. она сократилась до 24,6%, особо было заметно уменьшение числа дворян среди рядовых строевых солдат – до 12%. Состав рейтар Конной гвардии при ее создании в 1730 г. был почти сплошь дворянским. В конце же 1750-х гг. выходцев «из шляхетства» среди рядовых конногвардейцев оставалось только 12,5%, как и в пехотном Семеновском полку [16, с.37].

Влияние Ключевского на последующих, в том числе современных авторов, не умаляется тем обстоятельством, что некоторые из них не указывают прямо на заимствования из его работ. Так, Е.В. Анисимов пишет о «преторианских» настроениях в гвардии, не отметив использования схожей терминологии у Ключевского и не объясняя разницы или совпадения в ее употреблении между собой и предшественником. Книга Анисимова может служить еще и иллюстрацией того, как трудно бывает отступить от ряда оценок, освященных авторитетом Ключевского. Упомянув лишь раз его имя в обзоре историографии, автор затем на нескольких страницах,

тем не менее, как бы, оправдывается в несоответствии данных из источников (вполне достоверных) общепринятому мнению о дворянском составе гвардии, идущему от Ключевского и некоторых его современников [2, с.4, 25–29].

Вышеприведенное замечание, прежде всего, относится к составу гренадер Преображенского полка – «ударной» силы дворцовых переворотов 1740 (свержение регента Бирона) и 1741 гг. (арест Ивана Антоновича, его семьи и приближенных). Среди рядовых солдат этой роты дворяне составляли лишь пятую часть. Более того, при возведении на престол Елизаветы Петровны в вооруженном выступлении не участвовал непосредственно никто из офицеров и урядников ни гренадерской роты, ни гвардии в целом, которые в основном были дворянами. Вожаками того «преторианского» солдатского мятежа были рядовые гренадеры (все – недворянского происхождения): разорившийся торговец Ю. Гринштейн, бывшие крестьяне В. Зотов, П. Сурин, Д. Журавлев, солдатские дети М. Ахлестышев и А. Улучкин, «церковники» М. Осипов и Я. Игнатъев [16, с.42].

Предварительную разработку вопросов, связанных с ролью армии в XVIII в., можно встретить в публикациях и лекционных курсах Ключевского 1880–1890-х гг. В законченном виде после доработок и переделок эти вопросы были изложены в «Курсе русской истории».

Введение к 41 лекции, открывающее третий том «Курса» (вышел в 1908 г.) и являющееся программным изложением концепции исторического развития страны в XVII – первой половине XIX вв., даже не упоминает о создании регулярной армии, не говоря уже о признании за ней особой роли на данном этапе развития государства и общества. Это находит соответствие и в позиции, которая была отражена еще в «Боярской думе», где Ключевский выделял «в нашей истории» лишь «две эпохи, когда потребности внешней обороны вызывали напряженное развитие военных сил страны», а именно IX в. и XV–XVI вв. [6, с.9–10]

Тем неожиданной кажется четвертый том (издан в 1909 г.), в котором тема войны и вооруженных сил стала чуть ли не главным стержнем повествования, особенно насыщены ею лекции 59, 61–63, 65–68, 70–74. В пятом томе (опубликован посмертно в 1912 г.) эта тема напоминает о себе отголосками и повторениями мыслей из предыдущего тома в лекциях 76, 79–81, в отдельных записях, не включенных в текст «Курса».

В четвертом томе «Курса русской истории» роль армии в явлениях и событиях XVIII в. рассматривается по следующей схеме. Военные «потехи» юного и молодого Петра взрастили, с одной стороны, первые полки регулярной армии и командные кадры для нее, а, с другой, сформировали самого царя-реформатора с его окружением (лекция 59). Воинские игры подготовили проводников преобразований. Сами же реформы Петра I были обусловлены, прежде всего, большой войной, созданием для ее ведения новой армии и флота (лекции 61, 68).

Строительство регулярной армии затронуло все общественные группы и слои, изменило их положение в государстве и отношения друг к другу, наложило отпечаток на социальный и нравственный склад русского общества, на ход исторических событий (лекции 62, 63). В непосредственной связи с потребностями армии были осуществлены финансовая, губернская и другие реформы. К их проведению, в свою очередь, привлекались военные чины (лекции 65–67).

Особенно заметно сказались военная и связанные с нею реформы на дворянстве, верхушка которого была объединена в гвардии (лекция 62), ставшей в 1725–1762 гг. решающей силой в борьбе за власть (лекция 70). «Дворянство с гвардией во главе» получило в ходе этой борьбы освобождение от обязательной службы и право бесконтрольного распоряжения трудом крепостных, стало господствующим сословием (лекции 72–74).

Думается, не случайно в «Курсе» практически обойдены конкретные детали переворота Елизаветы Петровны (лекция 71). Он явно выпадал из общей схемы, поскольку, как уже было сказано, его активные участники дворянского происхождения из близкого окружения цесаревны не были гвардейцами, а все вожаки гвардейского выступления в пользу дочери Петра I не являлись дворянами.

В пятом томе к продолжению данной схемы следует отнести оценку политики Екатерины II, для которой самым внушительным оставался «гвардейско-дворянский голос», хотя высшее сословие после «Манифеста о вольности дворянства» уже стояло поперек всех народных интересов и потребностей государства (лекция 76). Это – последнее высказывание Ключевского о гвардии в тексте, который он сам готовил для пятого тома.

Встречающиеся далее в опубликованном в пятом томе тексте замечания об армии, самодержавии, дворянстве отобраны издателем и комментаторами из записей лекций Ключевского. Эти записи не подвергались авторской правке. Датировка их последними годами научной и лекторской деятельности историка, предложенная А.А.Зиминим и В.А.Александровым, подвергалась сомнению [9, с.549–550].

Все высказывания на интересующую нас тему, приведенные в лекциях пятого тома, не отредактированных автором, вполне укладываются в общую систему взглядов Ключевского и дополняют их. Добившись освобождения от обязательной службы дворяне покидают ее в центре и начинают править в провинции. Екатерининское правительство – последнее, поставленное гвардией (лекция 79). Случай сделал дворянство господствующим классом (лекция 81). Оно вполне воспользовалось им. Служба в армии с каждым новым переворотом или военным успехом приносила ему все больше и больше крепостных (лекция 80).

Изложенная схема достаточно логична и может создать впечатление последовательного ее конструирования Ключевским путем выведения итогов и следствий из более ранних во времени явлений. Однако, анализ

трудов, предшествующих «Курсу», убеждает, что концепция его автора создавалась в обратном хронологическому изложению порядке.

Уже на рубеже 1870–1880-х гг. Ключевский совершенно определенно высказался об узурпации власти дворянством в XVIII в., осуждал его незаконные привилегии (полемика о статьях Ю.Ф. Самарина, речь о Пушкине, первые лекции в Московском университете, введение к «Боярской думе»). Механизм установления «дворяновласти» был усмотрен в действиях «дворянской гвардии», что нашло отражение в лекционных курсах 1880–1890-х гг. [1, с.347; 8, с.27–29].

Выводы же о ведущей роли военной реформы в преобразованиях Петра I, о ее последствиях для дальнейшего усиления политической роли дворянства были изложены позднее. По мнению В.А. Александрова, это происходит после событий 1905–1907 гг., когда в последний период жизни и творчества ученого одновременно усиливается и интерес Ключевского к истории дворянства, и антидворянская направленность его взглядов, что было связано с пережитыми революционными потрясениями [1, с.332–333, 339–340]. Действительно в записях, отражающих рассуждения ученого о петровском времени, встречаются явно навеянные настроениями кризисной для России современности: «Регулярная армия, оторванная от народа, стала послушным орудием против него» [10, с.439–440].

Справедливые в целом наблюдения В.А. Александрова в данном случае требуют уточнения. После первой русской революции Ключевский не формулирует заново, а завершает обоснование своей позиции на цели и ход петровских реформ, изменившейся по сравнению со взглядами начала 1880-х гг., когда он признавал основой преобразований экономические потребности страны, а саму войну считал помехой их осуществления.

Достаточно обратиться к подготовленному в 1898 г. «Краткому пособию по русской истории», где уже кратко изложен тезис о том, что именно «война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы», а к числу «мер для поддержания регулярного строя сухопутной армии и флота» отнесены «перемены в положении дворянства». Пособие создавалось как печатный конспект лекций автора, и упомянутые высказывания были повторены позднее в четвертом томе «Курса русской истории» [7, с.57–59; 11, с.147–148; 12, с.377].

Самым поздним по времени выводом Ключевского по вопросу о роли армии в русской истории конца XVII–XVIII вв. следует считать признание за военной игрой значения среды, в которой Петр сложился как государственный деятель. В самом же «Курсе» именно с рассказа о военных потехах начинается обращение Ключевского к теме создания регулярного войска и его влияния на судьбы страны. Особого внимания к этой странице биографии Петра и прошлого вооруженных сил не видно в его работах до выхода четвертого тома «Курса». Так, практически ничего на данный счет не говорится в статье, специально посвященной личности Петра и его окружению, которая вышла в 1901 г. [9].

В обратном движении от следствий к причинам Ключевский встретил серьезные трудности. Подведение фактов под уже готовый ответ приводило к преувеличению отдельных сторон исторических явлений, к неполному использованию имевшейся источниковой и особенно историографической базы. Последнее относится, прежде всего, к изданиям по истории вооруженных сил России. В «Курсе» нет ни одной ссылки на специальные труды и публикации источников по истории армии, хотя ко времени подготовки к печати четвертого и пятого томов в военно-исторической литературе были накоплены богатые материалы специального и общеисторического значения. К сожалению, следует согласиться, что Ключевский, хотя и преподавал 16 лет в Александровском военном училище в Москве, «никогда не был силен в нашей военной истории и в оценках ее развития» [12, с.217].

История потешных и создания гвардейских полков изложена Ключевским по состоянию литературы по данному вопросу на 1870 – начало 1880-х гг. без обращения к наиболее полному исследованию этой темы П.О. Бобровского [4]. Ключевский оставил также без внимания все свидетельства о неоднородном составе гвардии, которые приводились авторами книг по истории отдельных гвардейских частей [5, с.157–158; 14, с.234, 242, 248].

Ключевский оказался гораздо ближе к истине в своих обобщениях, нежели в детальной проработке темы. Осуждение «дворяновласти» в России, вызванное социально-политическими убеждениями автора и глубоким осознанием крепостного зла для судеб народа, заслуживает признания, хотя и не получило в «Курсе» должного научного обоснования. Он считал дворянскую монархию порождением военной реформы, новой армии и привилегированных гвардейских частей, хотя, конечно, и само государственное устройство, и регулярная армия как его неразрывная часть были вызваны к жизни более глубокими историческими причинами. От осознания их наличия и продолжения поисков истины Ключевский не отказывался и сам. Характерным является двукратное, местами почти дословное повторение в 62-й лекции мысли автора «Курса», поставившего создание регулярной армии в одну логическую цепь с такими переломными вехами русской истории как опричнина, приговор дворянского ополчения 1611 г. и установление крепостного права [7, с.65, 77–78].

Общая оценка обращения Ключевского к вопросу о роли армии в XVIII в. должна определяться не недостатками его труда, а вкладом в науку. Талант и научная интуиция замечательного ученого указали на действительно важные явления и факты отечественной истории рассматриваемой эпохи, на необходимость их дальнейшего пристального изучения, включая переосмысление социально-политических последствий военной реформы Петра I и создания гвардейских частей.

Источники и литература

1. *Александров В.А.* Послесловие // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.IV. М.: Мысль, 1989. С.332–551.
2. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
3. *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М.: Прогресс, 1985. 200 с.
4. *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. Т.1–2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1900–1904.
5. *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т.I. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. 448 с.
6. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. Изд. 5-е. Пг.: Лит.-издат. отд. Нар. Комиссариата по просвещению, 1919. 543 с.
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть 4 // Сочинения в девяти томах. Т.IV. М.: Мысль, 1989. С.5–351.
8. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 416 с.
9. *Ключевский В.О.* Петр Великий среди своих сотрудников // Сочинения в девяти томах. Т.VIII. М.: Мысль, 1990. С. 375–408.
10. *Ключевский В.О.* Разрозненные афоризмы // Сочинения в девяти томах. Т.IX. М.: Мысль, 1990. С. 406–466.
11. *Ключевский В.О.* Русская история: учеб. пособ. М.: Независимая Газета, 1992. 190 с.
12. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М.: Наука, 1974. 640 с.
13. *Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А.* и др. История СССР с древнейших времен до 1861 г. М.: Просвещение, 1989. 559 с.
14. *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. Т.I. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1899. XXI, [3], 402 с.
15. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
16. *Смирнов Ю.Н.* Воины, «царедворцы», «преторианцы» // Родина. 2009. №2. С.36–42.
17. *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С.48–66.

“Gvardeyskaya” paradigm of establishing
of “nobleman rule” from Peter I to Catherine II
(views of V.O. Klyuchevsky and modern historiography)

Yu.N. Smirnov
Samara National Research University
Samara, Russian Federation

Vasily Klyuchevsky pay a special attention to the regular army on his concept of 18th century Russian history. He considered army as the phenomenon which determined the the course of social processes and as an autonomous force that had a pro-

found impact on the destiny of the country. He started analyse from the creation of the Russian Guard by the Peter the Great and later concentrated in two separate topics: the place of military reform in Peter's transformations of society and the role of the Guard in the "Epoch of Palace Coups". Klyuchevsky's ideas of the war as the mainspring of Peter's transformations often has faced criticism, his explanation of the reasons and consequences of palace coups is more widely accepted. According the Klyuchevsky's "Guard Paradigm", Guard members, being nobleman, acting as the defenders of the whole nobility's interests and obtained a privileges for them during the palace coups of the 18th century. However, the records from regiment's archives and modern historiography indicate that the Guard was not homogeneous. The approving mechanism of the "noble monarchy" was more complicated than "Guard paradigm".

Keywords: Russia in the 18th century, military reform, guard, palace coups, historiography, source studies.

For citation: Smirnov Yu.N. "Gvardeyskaya" paradigm of establishing of "noblemans rule" from Peter I to Catherine II (views of V.O. Klyuchevsky and modern historiography). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 4, pp.10–18. (In Russian)

Информация об авторе:

Смирнов Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Российская Федерация); e-mail: smirnov195503@yandex.ru

Smirnov Yuriy Nikolayevich – Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of General History, International Relations and Documentation, Samara National Research University (Samara, Russian Federation).